

СОНА СКОФИЛД

КОГДА МУЖ
ИЗМЕНИЛ,

я выбрала

ЕГО ДРУТА

Сона Скофилд

Когда муж изменил, я выбрала его друга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73532228

SelfPub; 2026

Аннотация

Я застала не сцену измены.

Хуже.

Я увидела, как мой муж улыбается другой женщине той улыбкой, которую давно забрал у меня.

В один вечер рухнуло все: брак, доверие, дом, будущее.

А в ту ночь, когда я осталась одна со своей болью, рядом оказался его лучший друг.

Тот, кто не имел права смотреть на меня так.

Тот, кто слишком многое знал.

Тот, кого я должна была ненавидеть не меньше, чем мужа.

Но именно рядом с ним я снова почувствовала себя живой.

Теперь бывший муж готов на все, чтобы вернуть власть надо мной.

Люди шепчутся за спиной.

Правда всплывает слишком поздно.

А я должна решить, что страшнее – остаться в прошлом, где меня предали, или шагнуть к мужчине, которого я не должна была полюбить.

Когда муж изменил, я выбрала его друга.

Не из мести.

Не из слабости.

А потому что впервые в жизни выбрала себя.

Содержание

Глава 1. Идеальный вечер, который все разрушил	5
Глава 2. То, что нельзя было увидеть	19
Глава 3. Правда без права на прощение	40
Глава 4. Унижение	61
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Сона Скофилд

Когда муж изменил, я выбрала его друга

Глава 1. Идеальный вечер, который все разрушил

Курица в духовке давно была готова, но Вика все равно открыла дверцу и ткнула вилкой в золотистую корочку, буд-то от этого что-то могло измениться. Запах тимьяна, чесно-ка и сливочного масла плотно стоял на кухне, смешиваясь с ароматом теплого хлеба и красного вина, которое она откры-ла еще полчаса назад. На столе горели две свечи – высокие, тонкие, в прозрачных подсвечниках. Глупо, конечно. Как в дешевой рекламе семейного счастья. Но ей хотелось хотя бы сегодня сделать вид, что у них все еще есть повод ужинать не как соседи, которые случайно делят одну квартиру, а как муж и жена.

Она поправила салфетки, хотя уже делала это дважды, и посмотрела на часы.

Девять двадцать семь.

Снова.

Телефон лежал экраном вверх рядом с тарелками. Ни звонка. Ни сообщения. Ни короткого “задержусь”, которое раньше приходило почти автоматически. В последние месяцы Артем как будто перестал считать нужным объяснять ей хоть что-то. Просто исчезал в своем рабочем графике, совещаниях, ужинах “с клиентами”, бесконечных пробках и усталости, которой было удобно прикрыть все на свете.

Вика медленно выдохнула и заставила себя убрать телефон со стола. Не хватало еще сидеть как ревнивая истеричка и гипнотизировать экран.

Она подошла к окну. За стеклом тянулся февральский вечер – серый, влажный, с огнями машин, которые расплывались в мокром воздухе. На парковке перед домом блестел темный асфальт. Фонари выхватывали редкие силуэты прохожих, закутанных в шарфы. Обычный вечер. Обычный дом. Обычная жизнь.

Когда-то она любила такие вечера. Они казались ей знаком взрослости, стабильности, того самого спокойного счастья, о котором мечтают нормальные женщины. Работа, дом, муж, ужин, планы на отпуск, новая кофемашина, спор о цвете штор, общий счет за интернет, привычка класть голову ему на плечо, пока он щелкает пультом. Простые, почти незаметные вещи, из которых вроде бы и состоит любовь.

Сейчас все это выглядело декорацией.

Красивой. Дорогой. Аккуратной. Но пустой.

Она сама не могла сказать, в какой момент начала это чув-

ствовать. Наверное, не сегодня. И даже не неделю назад. Это подкрадывалось долго – через мелочи, которые сначала казались случайными. Через его поздние возвращения. Через новые рубашки, которые он вдруг начал покупать без нее, хотя раньше ненавидел магазины. Через запах чужого парфюма, едва уловимый, почти неразличимый, но слишком сладкий для его привычного одеколona. Через то, как быстро он стал убирать телефон экраном вниз. Через раздражение в голосе, если она спрашивала что-то самое обычное.

“Ты меня контролируешь?”

“У меня тяжелый день, Вик.”

“Не начинай.”

“Ты опять все драматизируешь.”

Она усмехнулась, глядя в темное стекло, в котором отражалась собственная фигура: тонкий светлый свитер, собранные волосы, усталые глаза. Особенно глаза. Последнее время она все чаще ловила себя на том, что смотрит на себя как на чужую женщину. Как будто не она сама жила в этой красивой квартире с кухней цвета молочного кофе, не она выбирала эти тарелки, шторы, диван, не она когда-то с дрожью примеряла обручальное кольцо, а какая-то другая, более юная, более наивная версия себя.

Телефон вспыхнул на подоконнике.

Она резко обернулась.

Сердце дернулось слишком сильно для обычного уведомления.

Но это был не Артем.

“Ты завтра будешь у мамы?” – написала сестра.

Вика закрыла глаза на секунду, чувствуя глухое раздражение на саму себя. Нельзя так дергаться из-за каждого звука. Нельзя в тридцать два превращаться в женщину, у которой настроение зависит от того, ответил ей муж или нет.

Она быстро набрала: “Не знаю. Напишу”.

И почти сразу – словно в насмешку – пришло сообщение от Артема.

“Буду поздно. Не жди”.

Всего три слова.

Ни объяснения. Ни извинения. Ни смайла, ни точки, ничего. Сообщение было таким же холодным, как последние недели его голос.

Вика перечитала его дважды, потом в третий раз, будто между букв можно было найти скрытый смысл.

Не жди.

Она медленно опустила телефон. По спине пробежал неприятный холодок. Не жди – это про ужин? Про сегодняшний вечер? Или вообще про все, что она еще продолжала по привычке ждать от него?

На столе тихо потрескивали свечи.

Вино в бокалах уже потеряло свежесть.

Она подошла к столу и одним движением задула оба огонька. Кухня сразу стала другой – не праздничной, а обычной, с белым электрическим светом, который не прощал ни

пустых стульев, ни ненужных стараний.

– Ну и черт с тобой, – тихо сказала она вслух.

Голос прозвучал чужим.

Она налила себе вина и села одна. Несколько минут заставляла себя есть, но кусок не лез в горло. Мысли путались, возвращались к одному и тому же: почему ей так больно от простого сообщения? Разве это впервые? Разве он не задерживался раньше? Разве мужчины не устают? Разве у всех не бывают сложные периоды?

Все так.

Но раньше за его “поздно” стояла жизнь, в которой она все равно чувствовала себя любимой. А сейчас за каждым словом как будто зияла пустота.

Она отложила вилку и снова взяла телефон.

Зайти в его мессенджер она не могла – пароль он сменил еще осенью, объяснив это рабочей безопасностью. Тогда это не показалось ей подозрительным. Теперь казалось. Очень многое теперь казалось.

Она открыла его профиль в соцсети. Последний визит – час назад. Отлично. Значит, ответить жене времени не было, а где-то сидеть в телефоне – было.

Вика тут же одернула себя. Это уже жалко. По-настоящему жалко. Следить, сравнивать, выискивать. Так ведут себя женщины, которые уже все поняли, но еще боятся назвать правду.

Она резко положила телефон на стол и встала. Надо было

просто убрать еду, умыться, лечь спать и перестать раздувать из ничего трагедию. Завтра станет легче. Завтра она посмотрит на это трезво. Завтра, возможно, он придет нормальный, обнимет ее сзади на кухне, скажет “прости, аврал”, и весь этот липкий ком тревоги покажется смешным.

Она уже тянулась к тарелкам, когда услышала короткую вибрацию.

Не сообщение.

Звонок.

На экране высветилось имя: **Илья**.

Лучший друг Артема.

Вика невольно замерла.

Они общались редко, в основном на общих встречах, праздниках, редких ужинах. Илья был из тех мужчин, рядом с которыми воздух будто становится плотнее. Высокий, собранный, немногословный. Слишком спокойный, слишком внимательный. Он никогда не нравился ей в простом, понятном смысле. Он ее... напрягал. Потому что смотрел так, будто замечал больше, чем остальные. Будто видел насквозь.

Она уставилась на экран, не решаясь принять звонок.

Почему Илья звонит ей почти в десять вечера?

Первой мыслью было – что-то случилось.

Пальцы сразу похолодели.

Она ответила:

– Алло?

– Вика, – его голос звучал низко, ровно, почти без эмо-

ций. – Ты дома?

– Да. А что?

Пауза длилась всего секунду, но почему-то показалась длинной.

– Артем у тебя не появлялся?

Она нахмурилась.

– Нет. Он написал, что будет поздно. А что-то случилось?

Снова эта короткая пауза.

– Нет, – сказал Илья. – Ничего критичного.

Ложь. Она услышала это сразу. Не потому, что хорошо его знала, – наоборот, почти не знала. Просто такие интонации ни с чем не спутаешь. Так говорят люди, которые решают, сколько правды тебе можно выдержать.

– Тогда почему ты спрашиваешь? – Вика сама удивилась, как резко прозвучал ее голос.

– Потому что он должен был быть со мной, – ответил Илья. – Но планы изменились.

Она молчала.

Слова были обычными. Совершенно невинными. Но что-то в них кольнуло ее под ребра.

Должен был быть со мной.

Но планы изменились.

– Понятно, – тихо сказала она.

– Вик...

Он произнес ее имя так, будто хотел добавить что-то еще. Что-то важное. Но передумал.

– Что? – спросила она.

– Ничего. Поздно уже. Не накручивай себя раньше времени.

Не накручивай.

Эта фраза подействовала на нее как пощечина.

– С чего ты решил, что я себя накручиваю?

– Я этого не решал.

– Тогда не говори со мной так, как будто я истеричка.

– Я не это имел в виду.

– А что ты имел в виду, Илья?

На другом конце повисло молчание. Вика почувствовала, как быстро и неприятно начинает биться сердце. Раздражение, тревога, стыд – все смешалось. Ей вдруг стало невыносимо от того, что она стоит посреди собственной кухни с телефоном в руке и пытается выудить правду у друга собственного мужа.

– Спокойной ночи, – произнес Илья наконец.

И отключился.

Вика еще несколько секунд держала телефон у уха, глядя перед собой.

Потом медленно опустила руку.

Кухня снова погрузилась в тишину. Только холодильник гудел в углу и часы отмеряли секунды.

Она подошла к раковине и машинально открыла воду, хотя мыть пока было нечего. Холодная струя ударила по ладоням, и Вика смотрела на нее так, словно та могла привести

мысли в порядок.

Не накручивай себя раньше времени.

Раньше времени.

То есть время все-таки может наступить?

Она выключила воду и оперлась ладонями о столешницу.

Дышать стало труднее. Мозг лихорадочно цеплялся за простые объяснения. Может, у Артема встреча. Может, он поехал к кому-то из коллег. Может, Илья просто хотел уточнить что-то по работе. Может, она действительно сама раздувает.

Но тело уже знало то, что разум еще отказывался принимать.

Что-то не так.

Не просто “у нас кризис”.

Не просто “он устал”.

Не просто “все мужчины немного отдаляются”.

Нет.

Что-то не так по-настоящему.

Она вытерла руки и снова посмотрела на телефон. Захотелось позвонить мужу. Не писать, не ждать, а именно услышать его голос. Прямо сейчас. Поймать интонацию. Уличить. Или, наоборот, успокоиться.

Она нажала вызов.

Один гудок.

Второй.

Третий.

Потом звонок оборвался.

Сбросил.

Вика медленно опустила телефон и почувствовала, как внутри нее что-то окончательно сдвинулось. Еще не сломалось. Но треснуло.

Она знала своего мужа. Если он был на важной встрече, он писал короткое “не могу говорить”. Если был за рулем – перезванивал позже. Если с друзьями – отвечал с раздражением, но отвечал. Сбросить без объяснения – это было не про занятость. Это было про нежелание, чтобы она слышала, где он и с кем.

Вика вдруг ясно увидела себя со стороны: пустая квартира, нетронутый ужин, сообщение “не жди”, звонок от лучшего друга мужа, который явно что-то скрывает, и сброшенный вызов.

Все детали по отдельности можно было объяснить.

Вместе – уже нет.

Она подошла к окну и увидела, как к дому медленно подъезжает черная машина. Сердце подпрыгнуло, но это был не их автомобиль. Чужой мужчина вышел, открыл пассажирскую дверь, подал кому-то руку. Женщина в светлом пальто рассмеялась, придерживая волосы от ветра.

Так просто.

Так естественно.

Будто в мире вообще не существует женщин, которые стоят в полутемной кухне и чувствуют, как привычная жизнь

уходит у них из-под ног, хотя никто еще ничего не сказал вслух.

Вика закрыла шторы резким движением.

Ей вдруг стало зябко.

Она пошла в спальню, достала из шкафа теплый кардиган и накинула на плечи. В зеркале, мимо которого проходила, мелькнуло ее лицо – красивое, но слишком напряженное. Она остановилась. Вернулась на шаг назад.

Всмотрелась.

Что он во мне больше не видит?

Глупый вопрос. Унижающий. Но он всплыл сам.

Она медленно сняла резинку с волос. Светлые пряди рассыпались по плечам. Коснулась пальцами скулы, шеи, воротника свитера. Она знала, что все еще хороша. Не девочка, не наивная невеста из прошлого, а взрослая, тонкая, ухоженная женщина. Ей вслед оборачивались. На работе ей делали комплименты. Даже случайные мужчины в кофейнях иногда задерживали взгляд.

Но рядом с Артемом она давно перестала чувствовать себя желанной.

Словно он стер это ощущение не словами, а ежедневным равнодушием.

Она отвела взгляд от зеркала и села на край кровати. Тишина квартиры теперь давила. Когда-то она любила ждать его дома. Сейчас это было похоже на унижение.

Телефон снова вспыхнул.

На этот раз это было уведомление банка: списание за доставку цветов.

Вика сначала даже не поняла, что именно видит.

Потом нахмурилась.

Списание с **их общей карты**. Цветочный салон, сумма – почти двенадцать тысяч.

Она резко выпрямилась.

Цветы?

Сегодня?

Он не дарил ей цветы уже... сколько? Месяцев семь? Восемь? Не считая дежурного букета на день рождения, купленного по дороге, судя по виду упаковки.

В груди стало пусто и холодно.

Она открыла банковское приложение.

Да, операция прошла сорок минут назад.

Цветочный салон, который находился совсем не рядом с его офисом.

Вика смотрела на экран и уже не моргала.

Это еще ничего не доказывало.

Вообще ничего.

Он мог купить букет коллеге. Партнеру на юбилей. Чьей-то жене по поручению. Это могло быть что угодно.

Но внутри уже поднималось то самое страшное женское знание, которое не опирается на доказательства, но почти никогда не ошибается.

Не мне.

Эти цветы – не мне.

Она встала слишком резко и чуть не уронила телефон. Комната качнулась. Вика сделала несколько шагов по спальне, потом обратно, словно движение могло спасти от нарастающей паники.

Нет. Нельзя. Нельзя сейчас впасть в истерику на пустом месте. Нужны факты. Нужна ясность. Один чек еще ничего не значит.

Она снова позвонила Артему.

На этот раз телефон был недоступен.

Вика остановилась посреди комнаты.

Недоступен.

Еще минуту назад он сбросил. Значит, сейчас просто выключил звук? Или вообще телефон? Или...

Она не закончила мысль.

Потому что в этот момент ей пришло новое сообщение.

Не от Артема.

С неизвестного номера.

Фотография открылась не сразу, как будто даже телефон сомневался, надо ли показывать ей это.

А потом экран засветился, и Вика перестала дышать.

В кадре был Артем.

Ее муж.

Он сидел за столиком в ресторане напротив молодой темноволосой женщины и улыбался ей той улыбкой, которую Вика не видела уже очень давно – мягкой, внимательной, по-

чти нежной. Между ними, в прозрачной вазе, стоял огромный букет белых роз.

Тот самый.

На фото не было ничего откровенного. Ни поцелуя, ни объятий. Но и без этого все было ясно до тошноты, до звона в ушах, до ледяной дрожи в пальцах.

Следом пришло сообщение.

“Кажется, ваш муж забыл сказать, что ужинает не один.”

Вика села обратно на кровать, потому что ноги больше не держали.

Телефон дрожал у нее в руках.

Мир не рухнул с грохотом, как в кино.

Он просто в одну секунду стал другим.

И в этой новой реальности свечи на кухне, теплый ужин, белые тарелки, ее ожидание, ее терпение, ее старания – все это выглядело не трогательно, а жалко.

Очень жалко.

Она смотрела на фото и чувствовала, как внутри медленно, мучительно поднимается не крик даже, а что-то страшнее – холодная, ясная боль, от которой уже невозможно спрятаться.

Теперь она знала.

И назад дороги не было.

Глава 2. То, что нельзя было увидеть

Вика не сразу поняла, сколько времени просидела с телефоном в руках.

Минуту.

Пять.

Может быть, десять.

Комната оставалась той же самой: полумрак, кресло у окна, небрежно брошенный на спинку плед, чуть приоткрытая дверца шкафа, полоска света из коридора. Но все вокруг словно отодвинулось от нее, потеряло четкость, смысл, вес. Остался только экран. Фото. Белые розы. Улыбка Артема, которой ей давно не доставалось. Женщина напротив него. И сообщение с неизвестного номера, от которого веяло чужим холодным удовлетворением.

“Кажется, ваш муж забыл сказать, что ужинает не один.”

Забыл сказать.

Как будто речь шла о невинной оплошности. О недосказанности. О смешной забывчивости. Не о том, что ее брак, ее доверие, ее дом в эту самую минуту превращались в пепел.

Вика еще раз увеличила фотографию, хотя смотреть уже было больно. Лицо Артема расплылось на пиксели. Лицо той

женщины – тоже. Но не это было главным. Главное – как он на нее смотрел. Так на коллег не смотрят. На случайных знакомых – тем более. Не с таким мягким вниманием. Не с таким сосредоточенным теплом, в котором Вика узнала то, чего так долго ждала для себя и перестала получать.

Она положила телефон на покрывало, но сразу же схватила снова, будто боялась, что фото исчезнет и ей придется убеждать себя, что ничего не было. Что это ошибка. Подстава. Чья-то злая шутка.

Пальцы дрожали. Она открыла сообщение, нажала на номер. Никакого имени. Ни фотографии. Ни данных. Только набор цифр.

Вика быстро набрала:

“Кто это?”

Отправлено.

Ответа не было.

Она тут же написала второе:

“Что это значит?”

Отправлено.

Тишина.

В груди стучало так сильно, что казалось, этот звук слышно во всей квартире. Вика встала, снова села, снова встала. Подошла к окну, не раздвигая шторы. Потом резко вернулась к кровати. В голове метались обрывки мыслей, каждая страшнее предыдущей.

Может, это старая фотография?

Может, их сняли случайно?

Может, это деловая встреча?

Может, он все объяснит?

Может...

Но белые розы стояли между ними как приговор.

Он купил их сегодня. С их общей карты.

Не ей.

Этого было достаточно.

Вика вдруг ощутила, что воздух стал слишком густым.

Она распахнула окно, и в спальню сразу ворвался влажный ночной холод. Где-то внизу хлопнула дверца машины, слышались шаги, чьи-то голоса, смех. Обычная чужая жизнь шла своим ходом – люди приезжали домой, несли пакеты, спорили о чем-то в телефон, целовались у подъезда, мерзли на ветру. И только у нее внутри все сдвинулось с оси.

Она оперлась ладонями о подоконник и закрыла глаза.

Надо было думать.

Не реветь. Не метаться. Не устраивать истерик самой себе.

Думать.

Первое желание – немедленно поехать туда, где он сейчас сидит. Влететь в ресторан, поставить перед ним телефон с фотографией, посмотреть ему в глаза и заставить сказать правду. Или солгать ей в лицо. Это было бы даже проще: тогда хотя бы не пришлось больше жить в тумане.

Но куда ехать? На фото не было названия заведения. Только бокал, букет, темное дерево столешницы и размытый фон.

Все рестораны выглядели одинаково, когда рушилась жизнь.

Второе желание – позвонить Илье.

Оно пришло внезапно и сразу разозлило ее саму. Почему именно ему? Потому что он уже звонил. Потому что его странные паузы теперь выглядели совсем иначе. Потому что он, кажется, знал больше, чем сказал.

Вика посмотрела на его имя в списке недавних вызовов. Палец завис над экраном. Потом она резко убрала телефон.

Нет.

Еще нет.

Если Илья действительно что-то знал, ей будет невыносимо услышать это сейчас. Если не знал – тем более не хотелось посвящать его в собственное унижение.

Она подошла к зеркалу в прихожей, будто увиденное там могло помочь ей собраться.

Из отражения на нее смотрела женщина с бледным лицом, чуть приоткрытыми губами и глазами, в которых уже поселилось то самое знание. Не истерика. Не слезы. Пока нет. Только удар, который еще не прожили до конца.

– Соберись, – тихо сказала она себе.

Голос прозвучал хрипло.

Она пошла на кухню, налила воды, но стакан едва не выскользнул из пальцев. Вода пролилась на стол, потекла по белой скатерти к тарелке с остывшей курицей. Смешная, нелепая мелочь. Но именно от нее Вику вдруг качнуло. Потому что еще час назад она ставила эти тарелки, зажигала свечи,

думала, что делает что-то для их вечера. А теперь видела перед собой доказательство того, насколько она была слепой.

Слепой.

Это слово задело сильнее всего.

Не потому, что ей изменили. А потому, что ей, возможно, изменяли уже давно, а она жила внутри красивой лжи и сама себе помогала ее поддерживать. Удобно объясняла. Успокаивала. Терпела. Верила.

Вика поставила стакан и вдруг вспомнила один вечер месяца три назад.

Они были у друзей на дне рождения. Артем тогда почти не отходил от телефона. Отвечал коротко, быстро, с раздражением. Она спросила: “Что-то срочное?” Он сказал: “Работа”. Позже, когда он пошел курить на балкон, экран телефона на секунду загорелся рядом с его тарелкой. Она не собиралась читать, правда не собиралась. Просто взгляд скользнул сам. Там было только одно слово в уведомлении:

“Скучаю”

Без имени. Без контекста. Без продолжения.

Тогда она замерла. А потом сразу же нашла оправдание. Наверняка кто-то ошибся номером. Или это коллега так шутит. Или она вообще не так увидела. Она тогда даже не спросила. Потому что боялась услышать ответ.

Теперь это воспоминание ударило ее в висок, как поздно пришедшая пощечина.

А еще была та рубашка.

Новая. Темно-синяя. Совсем не в его вкусе. Она еще удивилась:

– Ты сам купил?

Он ответил:

– Да, а что, нужно было разрешение?

Тогда это тоже закончилось ее виноватым молчанием. Хотя сейчас Вика ясно понимала: не в рубашке было дело. А в том, что он стал чужим и делал вид, что она должна не замечать.

Телефон на столе снова загорелся.

Сердце дернулось.

Но это был не Артем и не неизвестный номер.

Илья.

Сообщение.

Всего два слова:

“Ты одна?”

Вика уставилась на экран так, будто тот мог заговорить и сам все объяснить. В этих двух словах было слишком много. Забота? Контроль? Попытка проверить, знает ли она уже? Или просто совпадение?

Она не ответила сразу.

Экран потух.

Через несколько секунд загорелся снова.

“Вика, ответь.”

Пuls застучал еще сильнее. Теперь это уже не было похоже на случайную вежливость. Так пишут, когда понимают:

что-то случилось или вот-вот случится.

Она села на стул и набрала:

“Зачем?”

Ответ пришел почти сразу.

“Просто ответ. Ты одна дома?”

Гнев вспыхнул быстро и резко – от бессилия, от боли, от того, что все вокруг будто знали, а ей оставалось только собирать чужие недомолвки.

“Да. Что происходит?”

Точки в конце она не поставила. Пальцы и без того били по экрану слишком резко.

Илья долго не отвечал. Минута. Почти две. Вика уже хотела написать еще что-то, когда появилось новое сообщение:

“Я сейчас приеду.”

Она вскочила так резко, что стул сдвинулся с неприятным скрипом.

Что?

Приеду?

Без объяснений?

Она тут же набрала:

“Не надо.”

Отправлено.

Следом:

“Скажи нормально, что происходит.”

Тишина.

Потом пришло:

“Открой мне дверь, когда буду у подъезда.”

Вика смотрела на сообщение и чувствовала, как внутри, поверх боли, поднимается ярость. Не на Илью даже – на всю эту мужскую манеру решать за нее, сколько она должна знать, когда должна знать и как именно ей переживать собственную жизнь.

Она нажала вызов.

Он ответил после первого гудка.

– Вика.

– Не смей говорить со мной этим тоном, – выдохнула она прежде, чем поняла, что именно хочет сказать. – Или ты прямо сейчас объясняешь, что происходит, или никуда не приезжаешь.

На другом конце было слышно только его дыхание. Спокойное, ровное, раздражающе спокойное.

– Я не хочу обсуждать это по телефону, – сказал он.

– А я не хочу, чтобы меня держали за идиотку.

– Я тебя не держу.

– Тогда объясни!

Голос сорвался. Она ненавидела это. Ненавидела, что в нем уже звучала трещина.

Илья выдержал паузу.

– Ты что-то узнала? – спросил он наконец.

Вопрос был настолько прямым, что Вика на мгновение онемела.

Не “что случилось”.

Не “почему ты так говоришь”.

А именно: **ты что-то узнала?**

Вот и все.

Мир не просто треснул. Он сказал это вслух.

– Значит, ты знал, – очень тихо сказала она.

– Вика...

– Ты знал.

– Не так, как ты сейчас думаешь.

– А как, Илья? – почти шепотом спросила она. – Как именно это нужно думать, чтобы тебе было удобно?

В ответ – опять молчание.

И это молчание сказало ей больше любого признания.

Она закрыла глаза. По щекам пока не текло, но в горле уже стоял горячий, злой ком.

– Он сейчас с ней? – спросила она.

На этот раз Илья ответил не сразу.

– Да.

Одно слово.

Без украшений.

Без оправданий.

Да.

Вика села обратно на стул, потому что колени вдруг перестали держать. Она смотрела на темный экран микроволновки, в котором расплывалось ее отражение, и слышала собственное сердце – гулкое, тяжелое, как шаги в пустом подъезде.

– Давно? – спросила она, сама не узнавая свой голос.

– Я не знаю всего, – ответил Илья. – И не буду врать, что знаю.

– Но что-то знаешь.

– Да.

– И молчал.

– Да.

Она резко вдохнула. Вот теперь стало по-настоящему больно. Не как от фото. Не как от роз. А по-другому – глубже. Потому что предательство всегда страшнее, когда рядом ходили люди, которые видели твое унижение и оставляли тебя в нем жить.

– Спасибо, – сказала она с ледяной вежливостью. – Вы все отлично справились.

– Не ставь меня рядом с ним.

– А куда тебя поставить? – спросила она. – Ты друг моего мужа. Человека, который мне изменяет. И ты, судя по всему, прекрасно об этом знал. Так куда тебя поставить, Илья? В благородные свидетели?

– Я не знал, как тебе сказать.

Она горько усмехнулась.

– Какая сложная задача. Правда. Почти невозможная.

– Вика...

– Нет. Теперь послушай ты. – Она встала и прошлась по кухне, потому что сидеть было невозможно. – Я только что получила фото моего мужа с какой-то женщиной. С цветами.

С улыбкой, которой я не видела, кажется, уже вечность. И ты спрашиваешь, одна ли я дома, а потом признаешься, что что-то знал. Ты вообще понимаешь, как это выглядит?

– Понимаю.

– Нет. Не понимаешь. Потому что не ты накрывал стол. Не ты ждал. Не ты каждый раз убеждал себя, что просто начался сложный период. Не ты делал вид, что еще можно все спасти.

На том конце стало тихо. Не холодно – тихо. И именно это было невыносимо, потому что его молчание не спорило с ней. Не защищалось. Как будто он принимал каждый удар и считал, что заслужил.

– Я приеду, – сказал он наконец.

– Не надо.

– Надо.

– Я не хочу тебя видеть.

– Но я все равно приеду.

Это было сказано без нажима, без грубости. Просто как факт. И от этого злило еще сильнее.

– Ты всегда такой? – тихо спросила она. – Решил и сделал, даже если никто не просил?

– Нет, – сказал Илья после короткой паузы. – Только когда понимаю, что иначе будет хуже.

И отключился.

Вика посмотрела на телефон с недоверием и злостью. Несколько секунд ей хотелось швырнуть его в стену. Потом она только выругалась сквозь зубы и с силой положила ап-

парат на стол.

Тишина квартиры сразу стала вязкой.

Он едет сюда.

Лучший друг ее мужа.

Мужчины, который сейчас с другой.

Эта мысль была настолько абсурдной и унижительной, что Вика не знала, смеяться ей или плакать.

Она пошла в ванную и включила яркий свет. Лицо в зеркале теперь выглядело хуже: белое, напряженное, с темными тенями под глазами. Она открыла воду, умылась холодной ладонью, потом еще раз. На секунду стало легче. Совсем чуть-чуть.

Нельзя встречать его в таком виде.

Эта мысль пришла автоматически – как остаток той женской программы, которую вбивают слишком рано: даже когда тебя предали, ты должна выглядеть достойно. Красиво. Собранно. Так, чтобы никто не увидел, как тебе плохо.

Вика почти с ненавистью посмотрела на собственное отражение.

– Да пошло оно все, – сказала она вслух.

И все равно взяла полотенце, вытерла лицо, провела пальцами по волосам. Не ради Ильи. Ради себя. Чтобы хоть что-то в этой ночи было под ее контролем.

Она вернулась на кухню и машинально стала убирать со стола. Тарелки. Свечи. Вино. Остывшее мясо. Каждое движение было таким обычным, что от этого хотелось кричать.

Предательство не отменяло бытовых мелочей. Даже после катастрофы нужно складывать приборы в мойку и выбрасывать зачерствевший хлеб.

Когда в дверной звонок наконец позвонили, Вика вздрогнула так, будто ждала этого и одновременно надеялась, что этого не случится.

Она не пошла сразу. Несколько секунд стояла посреди коридора, глядя на дверь. Потом медленно приблизилась и посмотрела в глазок.

Илья.

Темное пальто, коротко стриженные волосы, напряженные плечи. Он стоял очень прямо, словно приехал не на чужой семейный пожар, а на что-то, к чему давно готовился.

Вика открыла дверь.

Он вошел не сразу. Сначала посмотрел на нее.

Этот взгляд длился всего мгновение, но в нем не было ни жалости, ни неловкости, ни пустого сочувствия, которое она бы сейчас не вынесла. Только внимательность. Тяжелая, сосредоточенная, почти осязаемая.

– Привет, – тихо сказал он.

– Не надо делать вид, что это обычный визит, – ответила она.

– Не делаю.

Он вошел, сам закрыл за собой дверь и остановился в прихожей, не проходя дальше. Как будто понимал: еще один шаг без разрешения будет лишним.

В квартире вдруг стало слишком тесно. Слишком ясно ощущалось, что здесь теперь есть мужчина. Не муж. Другой. И от этого все выглядело неправильно.

Вика скрестила руки на груди.

– Ну? – спросила она. – Говори.

Илья снял перчатки, медленно, аккуратно, будто выигрывал себе секунду.

– Сядь, – сказал он.

– Нет.

– Вика...

– Я сказала – говори.

Он кивнул. Очень коротко.

– Я не знаю, когда именно у него это началось, – начал он ровным голосом. – И не знаю, насколько у них все серьезно. Но да, я понял, что у Артема кто-то есть. Не вчера.

Каждое слово входило в нее как тонкое лезвие. Без крика. Без крови. Но точно.

– Как давно? – спросила она.

– Несколько месяцев назад я начал догадываться. Уверен стал позже.

– И ничего не сказал.

– Нет.

– Почему?

Она ожидала чего угодно: мужской солидарности, отговорок, фраз о том, что “не хотел лезть”. Но Илья ответил иначе:

– Потому что это был бы разговор, после которого твоя

жизнь разлетелась бы на куски. А я... – он на секунду отвел взгляд, – я не имел права решать за тебя такой ценой.

Вика смотрела на него, не мигая.

– Зато сейчас имеешь право?

– Нет. Сейчас у тебя просто уже нет права не знать.

В коридоре стало так тихо, что был слышен гул лифта где-то на этаже. Вика чувствовала, как внутри нее снова собирается дрожь – не от слабости, а от невозможности вместить все это сразу.

– Ты общался с ней? – спросила она.

– Нет.

– Видел?

– Один раз. Случайно.

– И что?

– И понял, что это не похоже на разовую историю.

Вика медленно кивнула, будто отмечала внутри еще один пункт обвинения. Разовая. Не разовая. Уже неважно. Любая измена была бы концом. Но почему-то именно это уточнение ударило особенно сильно. Не ошибка. Не пьянка. Не минутная грязь. Что-то длительное. Значит, были дни, недели, возможно месяцы, когда Артем приходил домой после нее. Спал рядом. Ел ее еду. Говорил “устал”. И параллельно жил где-то еще одной жизнью.

– Он тебя просил молчать? – спросила она.

– Нет.

– Значит, ты сам решил.

– Да.

Он не оправдывался. И это бесило почти так же, как если бы оправдывался. Потому что не давало за что ухватиться. Перед ней стоял не человек, которого легко ненавидеть. А человек, который, похоже, с самого начала понимал, насколько все плохо, и все равно выбрал молчание.

Вика отвернулась и пошла на кухню. Он последовал за ней только после короткой паузы. Не близко. На расстоянии.

Она остановилась у стола и горько усмехнулась:

– Вот. Можешь посмотреть. Семейный ужин. Свечи, вино, курица. Я, как дура, его ждала.

Илья молчал.

– Что? – резко обернулась она. – Нечего сказать?

– Есть, – ответил он. – Но сейчас это не поможет.

– Попробуй.

Он посмотрел на стол, на остывшую еду, на погасшие свечи. Потом снова на нее.

– Ты не дура.

Эти три слова неожиданно ударили сильнее, чем все прежние. Потому что именно так она себя чувствовала. Именно это уже успела себе сказать. И услышать обратное в эту минуту было почти невыносимо.

Вика отвернулась слишком быстро, но поздно – глаза все-таки предательски защипали.

– Не надо, – тихо сказала она. – Только не начинай меня жалеть.

– Я не жалею.

– А что тогда?

Илья не ответил сразу. И снова это молчание. Слишком полное. Слишком опасное. Такое, в которое не хотелось смотреть.

– Я злюсь, – сказал он наконец.

Она медленно подняла на него взгляд.

– На кого?

– На него.

Ответ прозвучал так просто, что Вика даже не сразу поняла. А потом заметила: челюсть у него и правда была сжата сильнее обычного, в глазах стояло напряжение, которого раньше она в нем не видела. Не холодное равнодушие. Не спокойная объективность. Злость.

Из-за нее?

Из-за Артема?

Или из-за того, что вся ситуация наконец вышла наружу?

– И что теперь? – спросила она устало. – Ты приедешь, скажешь мне правду, и станет легче?

– Нет.

– Тогда зачем ты здесь?

Илья сделал один шаг ближе. Не настолько, чтобы вторгнуться в ее пространство, но достаточно, чтобы воздух между ними изменился.

– Затем, что сейчас ты одна, – сказал он тихо. – А не должна быть одна в такую ночь.

Вика смотрела на него и впервые за весь вечер не знала, что ответить.

Потому что в его голосе не было ни игры, ни фальши. И именно это было самым опасным.

Она отвела взгляд. Взяла телефон. Экран был темным. Ни сообщений от Артема. Ни звонков. Ни попытки что-то объяснить.

Только пустота.

– Он даже не написал, – прошептала она, больше себе, чем ему.

– Не жди от него правильных поступков сейчас, – сказал Илья.

Она горько усмехнулась:

– А раньше, значит, можно было ждать?

Он ничего не ответил.

Вика опустила на стул и закрыла лицо ладонями. Слезы так и не пролились. Это было хуже. Все внутри как будто заledenело в каком-то странном промежуточном состоянии – между шоком и болью, между яростью и пустотой.

Через несколько секунд она почувствовала, как рядом на стол лег стакан воды.

– Выпей, – сказал Илья.

Она не хотела подчиняться. Не хотела делать ничего из того, что он говорит. Но все равно взяла стакан и сделала пару глотков.

Руки дрожали.

– Спасибо, – сказала она сухо.

– Не за что.

Снова тишина.

Потом Вика медленно подняла голову и спросила то, что боялась спросить с самого момента, как увидела фотографию:

– Это из-за меня?

Он мне изменил... потому что я стала не той?

Илья посмотрел на нее так резко, что она почти физически ощутила этот взгляд.

– Нет.

Ответ прозвучал без малейшего сомнения.

– Ты даже не подумал, – сказала она.

– Потому что тут нечего думать.

– Мужчины всегда так говорят из вежливости.

– Я сейчас не вежливый, Вика.

Она невольно усмехнулась сквозь боль. Да, это было правдой.

Илья наклонился, опершись ладонями на спинку соседнего стула, и сказал уже тише:

– Когда мужчина предает, это говорит о нем. Не о женщине, которая ему верила.

Что-то внутри нее дрогнуло. Не зажило, конечно. Не успокоилось. Но дрогнуло.

И именно поэтому она вдруг испугалась.

Испугалась не Артема, не фотографии, не даже правды. А

того, как легко в этой ночи слова его друга становятся для нее опорой.

Это было неправильно.

Опасно.

Слишком рано.

Слишком близко.

Вика резко встала.

– Тебе лучше уйти.

Илья выпрямился.

– Ты уверена?

– Нет. Но все равно уйди.

Он смотрел на нее еще секунду, будто проверял, не рассыплется ли она прямо сейчас. Потом кивнул.

– Я буду на связи.

– Не надо.

– Надо, – повторил он спокойно. – И телефон не выключай.

Она не ответила.

Он взял перчатки, медленно надел пальто и пошел в прихожую. Уже у двери остановился.

– Вика.

Она не хотела оборачиваться, но обернулась.

– Что?

Илья смотрел прямо на нее. Без жалости. Без мягкости. С той самой тяжелой внимательностью, от которой ей всегда было не по себе.

– Это только начало самой плохой ночи, – сказал он. – Но не самой плохой жизни. Поняла?

Вика ничего не ответила.

Он вышел.

Дверь закрылась негромко, почти бережно.

И только тогда, оставшись одна, она наконец позволила себе медленно сползти по стене в прихожей на пол, прижать ладонь ко рту и впервые за этот вечер разрыдаться – беззвучно, страшно, так, словно плакало не только ее тело, но и все то, во что она верила еще несколько часов назад.

А в спальне на кровати снова вспыхнул экран телефона.

И на этот раз звонил Артем.

Глава 3. Правда без права на прощение

Телефон звонил настойчиво.

Не долго. Не истерично. Просто ровно, уверенно, как будто у Артема было полное право услышать ее голос в любую секунду, когда он этого захочет. Как будто ничего не случилось. Как будто между ними по-прежнему существовала та жизнь, в которой он мог пропасть на весь вечер, а потом позвонить, и она обязательно ответит.

Вика сидела на полу в прихожей, прислонившись плечом к стене, и смотрела в темноту коридора, не двигаясь.

Экран гас.

Снова вспыхивал.

Снова гас.

Каждый новый звонок резал по нервам сильнее предыдущего. Она не знала, что страшнее – взять трубку или продолжать смотреть на его имя, будто это всего лишь набор букв, а не человек, который час назад окончательно разломал ее жизнь.

Артем.

Еще утром это имя было домом.

Сейчас – источником боли.

Телефон замолчал.

На секунду воцарилась тишина, но почти сразу пришло сообщение.

“Ты спишь?”

Вика уставилась на экран и даже не сразу смогла вдохнуть.

Ты спишь?

Не “прости, я опоздал”.

Не “нам нужно поговорить”.

Не “где ты”.

Не “ты почему не отвечаешь”.

А именно это. Спишь?

Как будто его единственная проблема заключалась в том, что жена не берет трубку поздним вечером. Как будто у него не было никакой другой тайной жизни. Как будто он не сидел недавно напротив другой женщины с цветами, купленными с их общей карты.

Вика почувствовала, как внутри поднимается такая ярость, что от нее стало почти легко. Слезы отступили. В груди вместо них разлился жесткий, ледяной жар.

Она медленно встала с пола, вытерла лицо ладонями и пошла в кухню. Телефон сжала так сильно, что пальцы побелели.

Через пару секунд пришло второе сообщение.

“Я буду через полчаса.”

Вот так просто.

Буду через полчаса.

Ни объяснений, ни извинений. Просто уведомление. Как

будто он опаздывал с работы. Как будто она должна была кивнуть, убрать остатки ужина в холодильник и снова сделать вид, что ничего страшного не происходит.

Вика села за стол и открыла переписку с неизвестным номером. Никакого ответа. Потом еще раз посмотрела на фото. Увеличила. Букет, бокал, рукав его рубашки, знакомый изгиб пальцев, часы, которые она подарила ему на прошлый Новый год. Все было настоящим. Настолько настоящим, что больше нечего было ждать.

Она нажала на сообщение Артема.

Пальцы замерли над клавиатурой.

Написать: **“Я все знаю”?**

Слишком просто.

“Где ты был?”

Слишком поздно для таких вопросов.

“Не приходи”?

Нет. Он должен прийти. Должен посмотреть ей в лицо. Должен хотя бы раз в жизни прожить последствия того, что сделал.

Вика закрыла переписку, ничего не ответив.

Пусть приходит.

Пусть заходит в квартиру, где еще пахнет ужином, который она готовила для него, и сам попробует объяснить, почему белые розы достались другой.

Она поднялась и начала действовать – резко, почти механически. Убрала со стола лишнее, но не до конца. Остави-

ла две тарелки. Бутылку вина. Погасшие свечи. Пусть видит. Пусть смотрит на то, что она ждала его как жена, пока он развлекался с чужой женщиной.

Потом вернулась в спальню, взяла телефон, открыла банковское приложение и сделала скриншот списания из цветочного салона. Сохранила фотографию, присланную неизвестным номером. Даже переписку переслала себе на почту – почему-то инстинктивно, как будто боялась, что доказательства исчезнут. Или что он попробует убедить ее в том, что она все не так поняла.

Он был на это способен.

Не на прямую, грязную ложь – нет. Артем никогда не любил выглядеть подлецом в открытую. Его ложь всегда была другой: гладкой, уверенной, рациональной. Такой, после которой виноватой начинала чувствовать себя она.

“Ты драматизируешь.”

“Это не то, что ты думаешь.”

“Почему ты всегда ищешь плохое?”

“Ты вечно цепляешься к мелочам.”

Вика остановилась посреди спальни.

Нет.

Только не сегодня.

Сегодня он не сможет спрятаться за ее сомнения.

Она подошла к шкафу, автоматически вытащила домашний кардиган, потом бросила обратно. Сменила его на простую темную рубашку и джинсы. Не потому что собиралась

ему что-то доказывать. Просто не хотела встречать этот разговор в одежде женщины, которая ждала дома мужа с ужином. Та женщина закончилась час назад.

Когда Вика вышла обратно в гостиную, квартира уже не казалась их общей. Она вдруг увидела ее чужими глазами: слишком аккуратная, слишком выверенная, слишком созданная под совместную жизнь. Фото с отпуска на стене. Его книги на полке. Ее плед на диване. Две кружки у кофемашины. Две зубные щетки в ванной. Две половины одной лжи.

Она остановилась возле фотографии в рамке – прошлогодний отдых, море, солнце, Артем в белой футболке, обнимает ее за плечи, и она смеется, зажмурившись от ветра. На этом снимке они выглядели красивой парой. Почти идеальной.

Вика взяла рамку, посмотрела еще секунду и перевернула изображением к стене.

Звонок в дверь раздался через двадцать семь минут.

Она даже отметила это автоматически.

Не полчаса.

На три минуты раньше.

Как будто спешил домой.

Вика медленно подошла к двери и не стала смотреть в глазок. Просто открыла.

Артем стоял с тем лицом, которое она знала слишком хорошо: усталый, слегка раздраженный, но пытающийся выглядеть мягче. Темное пальто, небрежно застегнутый шарф,

чуть растрепанные волосы. На первый взгляд – обычный мужчина после длинного рабочего дня. Если бы не одно “но”: теперь она знала, где он был до этого. И с кем.

– Почему ты не отвечаешь? – спросил он с порога, заходя внутрь. – Я звонил.

Ни привет.

Ни взгляд в лицо по-настоящему.

Ни попытки почувствовать, что воздух в квартире другой.

Вика отступила на шаг и молча закрыла дверь.

Он снял пальто, повесил его так привычно, будто все было как всегда, потом посмотрел на нее чуть внимательнее.

– Ты плакала? – спросил он.

И этот вопрос окончательно добил в ней остатки чего-то мягкого.

Плакала.

Какой внимательный.

– А ты как думаешь? – спокойно спросила она.

Артем нахмурился.

– Вик, что случилось?

Вот теперь он смотрел прямо. Сосредоточенно. Почти настороженно. Но это было уже не важно. Слишком поздно включать мужа, когда любовник еще не успел остыть.

Она прошла в кухню, не приглашая его, и села за стол. Телефон лежал перед ней экраном вниз.

Артем пошел следом.

Остановился, увидев сервировку, недопитое вино, остат-

ки ужина.

На секунду на его лице мелькнуло что-то вроде неловкости.

– Ты готовила? – спросил он.

– Да.

– Вик...

– Садись.

Он не сел сразу. Сначала посмотрел на нее внимательнее – на лицо, на руки, на напряженную прямую спину. Потом все-таки опустился на стул напротив.

Некоторое время они молчали.

Где-то наверху кто-то двигал мебель. За окном прошуршала машина по мокрой дороге. В квартире было тепло, тихо, почти мирно. И от этого контраст становился чудовищным.

– Я жду, – сказала Вика.

– Чего именно?

Он все еще пытался идти в привычной манере. Осторожно. Выяснить, сколько она знает. Нащупать почву. Не признавать ничего лишнего.

– Правды, Артем.

Он потер переносицу и устало выдохнул.

– Боже, только не начинай, ладно? У меня был тяжелый день.

Эта фраза прозвучала так знакомо, что Вика почти услышала, как во что-то внутри нее втыкают ржавый нож. Не по-

тому, что больно. А потому, что унижительно.

– У тебя? – переспросила она.

– Да, у меня. И я сейчас не в ресурсе для скандалов.

Она чуть наклонила голову.

– Не в ресурсе?

– Вик...

– Это что, у вас теперь так называется? Ресторан, белые розы, выключенный телефон – не в ресурсе?

Он замер.

Совсем.

Ровно на одно мгновение.

Но этого хватило.

Она увидела. Не вину даже. Не страх. А резкий внутренний пересчет. Как у человека, который в долю секунды понимает: тайна вышла наружу, и теперь нужно срочно выбрать стратегию.

– О чем ты говоришь? – спросил он уже другим голосом. Осторожным.

Вика перевернула телефон экраном к нему и молча подвинула по столу фотографию.

Артем посмотрел.

Лицо у него не изменилось резко. Он вообще умел держать лицо. Но Вика заметила, как напряглась челюсть. Как исчезла усталость из глаз. Как спина стала чуть прямее.

Он долго смотрел на снимок.

Потом поднял взгляд на нее.

– Кто тебе это прислал?

Конечно.

Именно это.

Не “прости”.

Не “я могу объяснить”.

Не “это правда”.

Кто тебе это прислал.

Вика усмехнулась. Почти беззвучно.

– Ты серьезно?

– Я спросил, кто тебе это прислал.

– А я спрашиваю, ты серьезно? Это первое, что тебя волнует?

Артем откинулся на спинку стула, провел ладонью по лицу. Будто ему приходилось сейчас разбираться с неприятной, но решаемой проблемой.

– Вик, давай без истерики.

– Я еще даже не начинала.

– Отлично, тогда давай нормально поговорим.

Она смотрела на него и понимала: вот он, этот момент. Настоящий. Не фотография. Не чек. Не странные звонки. А то, как человек ведет себя, когда его поймали на предательстве.

И Артем выбирал не боль. Не раскаяние. Не честность.

Он выбирал контроль.

– Нормально? – повторила она. – Хорошо. Тогда нормально. Кто она?

Он выдержал паузу.

– Это не тот разговор, который нужно вести в таком состоянии.

– В каком? В состоянии жены, которой только что прислали фото, как ее муж улыбается другой женщине над букетом роз?

– Ты не знаешь, что там было на самом деле.

– Тогда расскажи.

– Это рабочий ужин.

Вика уставилась на него. И вдруг – впервые за весь вечер – у нее вырвался короткий, сухой смех.

Она даже не сразу поняла, что смеется.

– Рабочий? – переспросила она.

– Да.

– С белыми розами?

– У человека был день рождения.

– У человека?

– У партнера.

– У партнера в юбке и с твоей улыбкой, которой мне уже полгода не перепадает?

– Не переворачивай.

– Не переворачивать? – Ее голос стал громче. – Это ты сейчас говоришь мне не переворачивать?

Артем резко подался вперед.

– Да, потому что ты делаешь выводы на основании одной фотографии. Ты даже не спросила меня спокойно.

– Спокойно? – переспросила Вика. – Ты правда хотел, чтобы я спокойно спросила? Например: “Артем, дорогой, а что это за женщина, которой ты покупаешь цветы с нашей карты?”

Он моргнул.

Всего один раз.

Потом сказал:

– Ты залезла в банк?

Она посмотрела на него в немом изумлении.

– Серьезно? Это тоже моя вина?

– Я не говорю, что вина твоя. Я говорю, что ты сейчас собираешь все подряд и устраиваешь суд.

– Потому что ты сидишь передо мной и врешь.

– Я не вру.

– Тогда скажи ее имя.

Артем замолчал.

И эта пауза была красноречивее любой фотографии.

Вика почувствовала, как по позвоночнику проходит холод.

– Скажи. Ее. Имя.

– Катя, – ответил он наконец.

Так просто.

Одно имя.

Без отчества. Без роли. Без попытки спрятаться.

Катя.

Настоящая. С лицом, голосом, телом, руками, которыми

она, вероятно, касалась его. С сообщениями в его телефоне. С местом в его времени. В той части жизни, куда Вике больше не было входа.

Вика опустила взгляд на стол. Несколько секунд она просто смотрела на собственные пальцы. Потом спросила:

– Давно?

Артем ничего не сказал.

– Я спросила – давно?

– Это не имеет значения.

– Для меня имеет.

– Несколько месяцев.

Вот и все.

Не случайность.

Не ночь.

Не срыв.

Несколько месяцев.

Вика почувствовала, будто весь воздух из комнаты вышел разом. Она не ожидала, что честное признание может звучать настолько грязно.

– Несколько, – повторила она тихо. – Это сколько? Два? Три? Полгода?

– Вик...

– Сколько?

– Четыре.

Четыре месяца.

Четыре месяца он жил двойной жизнью.

Четыре месяца возвращался домой.

Четыре месяца смотрел ей в глаза.

Четыре месяца спал рядом.

Четыре месяца позволял ей накрывать стол, стирать его рубашки, покупать ему подарки, спрашивать, как прошел день.

И все это время существовала другая женщина.

Четыре месяца.

Вика подняла глаза.

– И что? – спросила она. – Ты собирался мне когда-нибудь сказать?

Артем потер висок.

– Я не знал, как.

– Неправда. Ты просто не собирался.

– Я хотел закончить это без лишней грязи.

– Без лишней грязи? – повторила она. – По-твоему, это уже чисто?

Он резко выдохнул, и в его голосе впервые прорезалось раздражение:

– А как ты хочешь? Чтобы я пришел и сразу вывалил тебе все? Ты бы это нормально приняла?

Вика смотрела на него и с каждым словом понимала все яснее: он не чувствует того, что чувствует она. Совсем. Для него это кризис, неудобство, конфликт, неприятный разговор. Для нее – уничтожение доверия. Разница была чудовищной.

– Нормально? – переспросила она. – Нет, Артем. Нормально я бы это не приняла. Но, возможно, я хотя бы сохранила остатки уважения к тебе. Если бы ты не делал из меня дуру четыре месяца.

– Я не делал из тебя дуру.

– Именно это ты и делал.

– Я не хотел тебя ранить.

– Ты хотел, чтобы тебе было удобно.

Он замолчал.

И Вика поняла, что попала точно.

Вот оно. Настоящее.

Не любовь. Не метания. Не “сам запутался”.

Удобство.

Удобно было иметь дом.

Удобно было иметь жену, которая ждет.

Удобно было иметь запасной берег, пока где-то на стороне горит другой свет.

– Ты ее любишь? – спросила Вика.

Вопрос повис между ними, как натянутая струна.

Артем не отвел взгляда.

– Я не знаю.

Ненависть, боль, презрение – все это было. Но именно этот ответ оказался самым подлым. Потому что оставлял ее в промежутке. Не выбранной. Не брошенной. Не любимой. А просто... не единственной.

– Конечно, – тихо сказала она. – Как удобно.

– Что удобно?

– Ничего не знать. Ничего не решать. Меня держать дома, с ней спать по вечерам, а потом сидеть передо мной и говорить “я не знаю”.

– Не передергивай.

Она встала так резко, что стул ударился о плитку.

– Не смей мне больше это говорить! Не смей!

Голос сорвался и наконец зазвенел по-настоящему. Не красивой болью. Не тихой драмой. А настоящим женским криком человека, которого раздавили.

– Четыре месяца, Артем! Четыре месяца! Ты приходил сюда после нее! Ты ел мой ужин! Спал со мной в одной постели! И теперь у тебя хватает наглости сидеть и рассказывать, что я что-то передергиваю?

– Не ори.

– Я буду орать, если хочу! Это мой дом! Моя жизнь! И ты влез в нее с грязными руками!

Он тоже встал.

– Прекрати истерику.

И вот тогда что-то в ней оборвалось окончательно.

Не из-за измены.

Не из-за имени “Катя”.

Не из-за четырех месяцев.

А из-за этого холодного, раздраженного: **“прекрати истерику.”**

Вика шагнула к столу, взяла телефон, снова открыла фо-

тографию и почти ткнула экраном ему в лицо.

– Это не истерика. Это последствия. Понимаешь? Последствия того, что ты сделал.

Артем отвел телефон рукой.

– Убери.

– Почему? Смотреть неприятно? Мне тоже неприятно.

– Я сказал, убери.

– А я говорю – смотри! Смотри на себя! На свои розы, на свою рожу довольную! Смотри и хотя бы раз признай, что ты подонок!

Он резко схватил ее за запястье.

Не сильно.

Но достаточно, чтобы все внутри нее вспыхнуло ледяным ужасом и яростью.

– Отпусти, – тихо сказала она.

Артем сразу разжал пальцы, будто сам понял, что сделал лишнее.

– Вик, успокойся.

– Не трогай меня.

– Я не...

– Не трогай меня!

Теперь в ее голосе было что-то новое. Уже не боль. И даже не крик. Отвращение.

Он увидел это.

Увидел и, кажется, впервые по-настоящему растерялся.

– Я не хотел... – начал он.

– Конечно, – перебила она. – Ты вообще ничего не хотел. Ни изменять, ни врать, ни делать больно, ни хватать меня. Все как-то само получилось.

– Не надо из меня делать монстра.

Вика медленно отступила на шаг.

– А мне и не надо делать. Ты сам справляешься.

Они смотрели друг на друга через стол, уставленный остатками их несостоявшегося вечера. Две тарелки. Вино. Остывшее мясо. Свечи. Все это вдруг стало выглядеть как декорация к чужому браку, в который она случайно зашла.

– Что ты хочешь? – спросил Артем после долгой паузы.

Она моргнула. Потом усмехнулась.

– Смешной вопрос. Сегодня утром я хотела прожить с тобой жизнь. Сегодня вечером – просто понять, когда все умерло. А сейчас...

Она осеклась.

Потому что ответа у нее еще не было.

Развод?

Скандал?

Уйти?

Выгнать его?

Разрушить все прямо сейчас?

Боль была слишком свежей, чтобы превращаться в четкие решения.

Но одно она знала точно.

Обратно – нельзя.

– Сейчас я хочу, чтобы ты ушел, – сказала Вика тихо.

Артем нахмурился.

– Что?

– Уйди.

– Ночью? Серьезно?

– Да. Ночью. Серьезно.

– Это и моя квартира тоже.

– Сегодня – нет.

– Не носи бред.

Она посмотрела на него так спокойно, что ему, кажется, стало не по себе.

– Хорошо, – сказала она. – Тогда я уйду сама.

И пошла мимо него в коридор.

Он двинулся следом.

– Вик, прекрати.

Она уже хватала с вешалки пальто.

– Не подходи.

– Куда ты собралась?

– Туда, где мне не придется дышать одним воздухом с человеком, который только что признался, что спал с другой четыре месяца.

– Сейчас ночь.

– Поздравляю. Ты заметил.

Он встал между ней и дверью.

Не угрожающе. Но уверенно.

И это снова было про контроль. Про то, что он до сих пор

считал: ситуацию можно удержать руками, голосом, логикой.

– Дай мне пройти, – сказала Вика.

– Давай утром поговорим нормально.

– Утром? – Она засмеялась, но в этом смехе уже не было ничего живого. – Ты правда до сих пор думаешь, что у нас есть “утром”?

Артем сжал губы.

– Ты сейчас не в себе.

– Зато ты, видимо, очень в себе. Настолько, что спокойно вернулся от любовницы домой и рассчитывал, что тебя встретят ужином.

– Не называй ее так.

Фраза вылетела быстрее, чем он, наверное, успел подумать.

И этого оказалось достаточно.

Вика застыла.

Медленно подняла на него взгляд.

– Что?

Артем понял, что сказал, но было поздно.

– Я не это имел в виду.

– Нет. Именно это.

– Вик...

– То есть ее мне нельзя называть любовницей? – спросила она очень тихо. – Тебе больно за нее?

– Я не хочу, чтобы ты сейчас все превращала в грязь.

– Ты уже превратил.

Она распахнула дверь.

В подъезде пахло пылью, железом и чьим-то сигаретным дымом. Холодный воздух ударил в лицо.

– Вика, стой.

Но она уже вышла.

Не потому, что знала, куда идет.

Не потому, что была сильной.

А потому, что еще минута в одной квартире с ним стала бы унижением.

За спиной она слышала его шаги, его голос, что-то еще. Но не оборачивалась.

Спустилась на один пролет.

На второй.

На третьем он догнал ее и схватил за локоть.

– Хватит.

Она резко вырвала руку.

– Не прикасайся ко мне.

– Ты куда пойдешь среди ночи?

– Это больше не твоя забота.

– Прекрати вести себя как ребенок.

Вика медленно обернулась.

И, глядя ему прямо в лицо, сказала:

– Ребенком в этом браке была только я. Потому что верила тебе.

Эти слова будто ударили и его.

Он замолчал.

И именно в эту секунду внизу хлопнула подъездная дверь.

Кто-то вошел.

Тяжелые шаги. Спокойные. Уверенные.

А через мгновение на лестничной площадке появился

Илья.

Он поднял голову, увидел их – Вику с бледным лицом, Артема в расстегнутом пальто, напряжение между ними – и замер всего на долю секунды.

Потом его взгляд стал жестким.

Очень жестким.

– Я так и думал, – тихо сказал он.

Артем резко выпрямился.

– Ты что здесь делаешь?

Илья не ответил ему сразу. Он смотрел только на Вику.

– Ты в порядке?

И в этом вопросе было больше настоящего, чем во всех словах ее мужа за последний час.

Вика открыла рот, но не успела ничего сказать.

Потому что Артем уже понял главное.

Понял, кто приехал.

Понял, что Илья здесь.

Понял, что его лучший друг стоит ночью в их подъезде рядом с его женой.

И в его глазах впервые вспыхнула не усталость, не раздражение и не расчет.

А ревность.

Глава 4. Унижение

На лестничной площадке вдруг стало слишком тесно.

Старый подъездный свет, тусклый и желтоватый, падал сверху неровными пятнами, цеплялся за серые стены, за перила, за лица. В этом свете все выглядело грубее, чем есть: усталость на лице Артема, холодная собранность Ильи, ее собственная бледность, которую уже невозможно было спрятать.

Вика стояла между ними и впервые за этот вечер ощутила не просто боль, а жгучее, почти физическое унижение. Потому что все вышло наружу слишком быстро. Слишком грязно. Слишком открыто. Не было никакой красивой паузы, никакого пространства, где можно остаться одной, осмыслить, собраться, сохранить достоинство. Вместо этого она стояла в домашней рубашке и наспех накинутом пальто между мужем, который ей изменил, и его лучшим другом, который приехал посреди ночи, как будто знал, что все закончится именно так.

Артем первым нарушил тишину.

– Я спросил, что ты здесь делаешь, – повторил он уже жестче.

Илья медленно поднялся еще на одну ступеньку. Спокойно. Без суеты. Без вызова в движениях. Но от этой его спокойной уверенности у Вики по спине пробежал холодок.

– Приехал за ней, – ответил он.

Три слова.

Без объяснений.

Без лишнего.

Артем коротко усмехнулся, и в этой усмешке было что-то неприятное, незнакомое, почти злое.

– За ней? – переспросил он. – Серьезно?

Илья не отвел взгляда.

– Да.

– А тебя вообще кто-то звал?

– Нет. Но, как вижу, правильно сделал, что приехал.

Вика перевела взгляд с одного на другого. Ей хотелось, чтобы они замолчали. Оба. Немедленно. Потому что это уже начинало походить на сцену, в которой ее опять не спрашивают, а просто делят пространство вокруг нее. Но сил вмешаться пока не было. Она только крепче сжала полы пальто.

Артем спустился на одну ступеньку ниже, почти вровень с ней.

– Вик, зайди домой, – сказал он, не глядя на Илью. – Сейчас.

Тон был знакомый. Спокойный, но такой, в котором уже звучал приказ.

И именно это вдруг отрезвило ее лучше любой пощечины.

– Нет, – ответила она.

Артем повернул голову.

– Что?

– Я не зайду домой.

– Виктория, не начинай.

Он назвал ее полным именем. Так он делал редко – обычно, когда хотел поставить на место, пристыдить, показать, что она ведет себя не так, как надо. Раньше это срабатывало. Сегодня – нет.

– Не смей разговаривать со мной так, как будто я сделала что-то не то, – сказала она тихо.

Его лицо дрогнуло. Совсем чуть-чуть. Но Вика уже научилась замечать эти микроскопические трещины в его самообладании.

– Я пытаюсь решить это нормально, – ответил он.

– Нормально? – переспросила она. – Это у тебя сейчас называется нормально?

– А что, по-твоему, лучше? Устраивать спектакль в подъезде при нем? – Артем наконец перевел взгляд на Илью, и в голосе сразу прибавилось яда. – Или это уже не проблема?

Вот оно.

Не боль за нее.

Не раскаяние.

Его сейчас задело другое: присутствие Ильи.

Вика почувствовала, как внутри поднимается горький, едкий смех. Даже сейчас, когда их брак лежал у ног, как разбитая посуда, Артема сильнее всего задевало, что свидетель у этой катастрофы – его лучший друг.

– При нем? – переспросила она. – Ты серьезно? То есть

тебя не смущает, что я знаю про Катю. Но смущает, что об этом знает Илья?

Артем резко посмотрел на нее.

– Не переводи.

– Я вообще уже ничего не перевожу. Все предельно ясно.

Илья стоял молча. Неподвижно. Но Вика чувствовала его присутствие кожей – тяжелое, сосредоточенное, как будто он удерживает себя в рамках только ради нее.

Артем тоже это чувствовал.

И потому вдруг стал еще жестче.

– Давай-ка я тебе сам объясню, что ясно, – сказал он, спускаясь еще на ступеньку. – Я разговариваю со своей женой. А ты можешь не лезть.

Илья посмотрел на него очень спокойно.

– Пока ты разговариваешь, дергая ее ночью по лестнице после того, как признался в измене, я буду лезть.

– Да пошел ты, – бросил Артем.

Вика вздрогнула.

Не от грубости даже. От того, как быстро все это стало уродливым. Мужчины, которые годами сидели за одним столом, вместе пили, смеялись, праздновали, сейчас стояли друг напротив друга в ее подъезде, и между ними уже натягивалось что-то темное, старое, опасное. А она внезапно поняла: здесь слишком много накопилось задолго до сегодняшней ночи.

– Хватит, – сказала она резко. – Оба.

Они замолчали.

На несколько секунд.

Потом Артем повернулся к ней и, как будто Ильи вообще не существовало, сказал уже тише:

– Вик, идем домой. Не надо этого цирка.

Цирка.

Слово ударило ее неожиданно сильно.

Значит, это она устраивает цирк? Не он с любовницей. Не он с розами. Не он с ложью длиной в четыре месяца. А она – потому что не согласна молча проглотить все и вести разговор “по-человечески”, как удобно ему.

– Ты правда так это видишь? – спросила она.

– Я вижу, что ты на эмоциях.

– А ты, значит, нет?

– Я пытаюсь думать головой.

– Нет, Артем, – сказала Вика и вдруг почувствовала, как голос становится удивительно ровным. – Ты пытаешься спасти свою удобную картинку.

Он коротко и зло усмехнулся.

– А ты? Ты что сейчас делаешь? Бежишь к моему другу, потому что тебе нужна поддержка?

Она резко вскинула голову.

Бежишь к моему другу.

Вот теперь стало по-настоящему грязно.

Потому что это была не просто реплика. Это было унижение, завернутое в намек. Попытка сделать из нее женщину,

которая слишком быстро нашла, на чье плечо упасть. Как будто он уже искал для себя оправдание в будущем. Как будто заранее переписывал сюжет так, чтобы она тоже оказалась виноватой.

Вика смотрела на него и не верила, что еще вчера этот человек был для нее самым близким.

– Я ни к кому не бегу, – сказала она. – Я уйду от тебя.

Артем сощурился.

– Из-за одной ошибки?

Илья тихо выдохнул через нос. Почти неслышно. Но Вика уловила это.

Ошибка.

Четыре месяца.

Ошибка.

– Одной? – повторила она. – Ты сейчас назвал это одной ошибкой?

– Не цепляйся к словам.

– А к чему мне цепляться, Артем? К фактам? Давай. Факты даже интереснее. Ты врал мне четыре месяца. Спал с другой. Возвращался домой. Ел мой ужин. Смотрел мне в глаза. И теперь стоишь здесь и рассказываешь, что это ошибка?

– Я не хотел, чтобы так вышло.

– Да хватит, – перебила она. – Хватит делать вид, что ты жертва обстоятельств. Ты взрослый мужчина. Ты не споткнулся и случайно не упал в чужую постель.

На последних словах ее голос дрогнул. Сильно. Она по-

чувствовала, как по горлу снова поднимается горячая боль.

Илья сделал шаг ближе.

Не к Артему.

К ней.

Совсем немного, но достаточно, чтобы она ощутила: если сейчас станет хуже, он рядом. И именно это мгновенно заметил Артем.

Его лицо изменилось.

В нем появилось что-то темное. Собственническое.

– Даже так, – тихо сказал он, глядя уже не на нее, а на Илью. – Давно вы так понимаете друг друга?

Вика сначала даже не нашлась с ответом. Слишком подло это прозвучало. Слишком знакомо по мужской логике: если женщина не терпит унижение молча, значит, рядом уже кто-то есть. Если ей больно не там, где он ожидал, значит, виноват третий.

– Не смей, – произнесла она.

Но Артем уже завелся.

– Нет, правда. Мне интересно. Ты поэтому примчался? – Он смотрел на Илью. – Все это время только и ждал повода?

Вика замерла.

Воздух как будто стал ледяным.

Она не знала, что страшнее: сам вопрос или то, что где-то глубоко внутри ей тоже внезапно захотелось услышать ответ.

Илья выдержал взгляд Артема.

– Сейчас не время для твоих фантазий.

– Это не ответ.

– А ты не заслужил ответа.

Артем шагнул вперед.

– Зато ты, видимо, заслужил ее ночами вывозить из дома?

– Достаточно, – сказала Вика, но ее уже почти не слышали.

– Следи за языком, – спокойно ответил Илья.

– А то что? – Артем усмехнулся. – Ударишь меня? Из-за нее?

Эти два слова – “из-за нее” – прозвучали так, будто ее вообще здесь нет. Будто она не человек, а причина конфликта. Повод. Предмет.

И в эту секунду Вика ощутила унижение острее, чем от фотографии.

Потому что измена – это боль.

А вот это – обесценивание.

Сведение ее чувств, ее горя, ее разрушенной жизни к мужской разборке.

– Замолчите! – крикнула она так резко, что оба наконец обернулись к ней.

Голос отразился от стен подъезда и вернулся к ним хриплым эхом.

– Вы оба сейчас слышите только себя, – сказала она, тяжело дыша. – А мне, может быть, не нужен ни один из ваших героических монологов. Ясно?

На мгновение повисла тишина.

Потом Артем заговорил уже совсем другим тоном. Мягче.

Но Вика знала эту мягкость. Это была не теплота. Это была тактика.

– Вик, послушай. Да, я виноват. Да, я поступил отвратительно. Но это наш брак. Наш. И решать это нужно нам двоим. Без... посторонних.

Посторонних.

Он сказал это, не глядя на Илью, но с таким подчеркнутым акцентом, что у Вики внутри что-то перекошилось.

Она вдруг совершенно ясно увидела всю картину.

Когда ему было удобно – Илья был другом дома, почти семьей, человеком, которого можно звать на праздники и держать рядом. Но в ту минуту, когда присутствие Ильи стало мешать контролировать ее, он мгновенно превратился в постороннего.

– Поздно, – тихо сказала она.

– Не поздно, – тут же ответил Артем. – Мы можем все обсудить. Я могу все объяснить.

– Ты уже объяснил.

– Нет. Ты выхватила кусок и сделала выводы.

Она не выдержала и рассмеялась. Горько, с надломом.

– Кусок? Какой именно? Четыре месяца – это кусок? Любовница – кусок? Ложь – кусок? Или ты сам теперь кусок моей жизни, который я должна как-то аккуратно пережевать?

– Не надо говорить со мной так.

– А как с тобой говорить? Как с женщиной, который предал? Или как с мальчиком, которого случайно поймали и те-

перь он обиделся?

Артем резко побледнел.

Он хотел что-то ответить, но Илья вдруг сказал тихо, почти лениво:

– Отойди от нее.

Именно так.

Не “успокойся”. Не “хватит”.

Отойди от нее.

Артем медленно повернул голову.

– Ты мне указываешь?

– Пока прошу.

Вика увидела, как у Артема дернулась скула. Он всегда ненавидел этот тон у Ильи – не громкий, не театральный, но такой, в котором было слишком много внутренней силы. Раньше это раздражение пряталось в мелочах, в шутках, в редких колкостях. Сейчас оно вышло наружу.

– А дальше что? – спросил Артем. – Защитник включится?

– Дальше ты перестанешь делать вид, что проблема в моем присутствии, – ответил Илья. – Проблема в том, что ты довел ее до такого состояния.

Вика закрыла глаза на секунду.

Ей хотелось, чтобы пол разошелся под ногами и проглотил всех троих. Хотелось исчезнуть. Потому что каждое слово било по ней, даже если было сказано в ее защиту. Она не хотела быть “в таком состоянии”. Не хотела, чтобы кто-то

это озвучивал. Не хотела, чтобы ее слезы, дрожь, боль были видны двум мужчинам сразу.

Это и было самое страшное унижение – быть увиденной слабой в ту ночь, когда тебя предали.

Артем, кажется, тоже почувствовал это. Но по-своему.

Он вдруг посмотрел на нее внимательно, долго, словно впервые за вечер увидел не конфликт, а женщину, которая по-настоящему отдалается. И в его голосе прозвучало то, чего раньше не было: тревога, смешанная с собственничеством.

– Ты что, реально сейчас с ним уйдешь? – спросил он.

Вика подняла на него взгляд.

Вот оно.

Самый важный вопрос для него.

Не “как тебе больно?”

Не “как я это исправлю?”

А именно это:

с ним?

Потому что потеря жены как человека еще не дошла.

А вот мысль о том, что она может уйти в присутствии Ильи, уже резала по живому.

– Я уйду от тебя, – сказала она медленно. – Это единственное, что тебе сейчас нужно понять.

– Но не с ним же.

Фраза вылетела почти резко. Почти обиженно.

И в этот момент Вика вдруг поняла все до конца.

Он бы легче пережил ее слезы. Ее истерику. Даже развод. Но не мысль о том, что рядом с ней может оказаться его лучший друг. Именно это задевало его по-настоящему. Именно здесь начиналось его мужское самолюбие, обоженное не изменой, а потерей права собственности.

Она почувствовала к нему такое холодное отвращение, что даже боль на секунду отступила.

– А ты сейчас правда думаешь, что имеешь право обсуждать, с кем мне уходить? – спросила она.

– Я твой муж.

– Уже нет.

На этих двух словах тишина обрушилась на площадку тяжело, как бетонная плита.

Артем смотрел на нее так, будто не ожидал услышать это сегодня. Не сейчас. Возможно, вообще никогда. Как будто внутри него до последнего жила уверенность, что это просто буря, просто ночь, просто женские эмоции, а утром все как-нибудь уляжется.

Но Вика уже знала: не уляжется.

Не после его “ошибки”.

Не после “не называй ее так”.

Не после того, как он сделал из ее боли неудобство.

– Вик, не надо бросаться словами, – тихо сказал он.

– Я не бросаюсь. Я наконец говорю точно.

– Ты сейчас не понимаешь, что говоришь.

– Нет. Это ты не понимаешь, что сделал.

И тут Артем неожиданно шагнул ближе и сказал почти сквозь зубы:

– Хорошо. Хочешь правду? Да, у меня с ней что-то было. Да, это длилось дольше, чем должно было. Но ты тоже не святая.

Вика нахмурилась.

– Что?

– Ты давно живешь так, будто между нами все умерло. Вечно усталая. Вечно недовольная. Вечно со своим лицом, как будто я тебе должен. Ты думаешь, мужчине легко жить рядом с женщиной, которая все время холодная?

Слова врезались в нее с такой точностью, что на секунду она даже перестала дышать.

Вот оно.

Наконец.

Неизбежный поворот.

Когда мужчина, загнанный фактами, снимает маску и начинает объяснять тебе, что ты сама подтолкнула его к предательству.

Вика почувствовала, как внутри все леденеет.

– То есть это я виновата? – спросила она очень тихо.

Артем, кажется, и сам понял, что перегнул. Но остановиться уже не смог.

– Я не говорю, что виновата только ты. Я говорю, что у нас давно все было плохо.

– И потому ты пошел спать с другой.

– Потому что я тоже живой человек!

– Нет, – ответила Вика. – Потому что ты трус.

Он дернулся, как от удара.

– Следи за словами.

– А то что? Опять скажешь, что я не в ресурсе? Или объяснишь, что мне надо быть теплее, удобнее, веселее, сексуальнее, чтобы мой муж не убегал к другой?

– Я не это сказал.

– Именно это!

Голос снова сорвался.

И в ту же секунду она почувствовала, что больше не выдержит. Ни еще одной минуты. Ни еще одного круга этого унижения. Ни еще одной попытки сделать ее соучастницей собственной измены.

Вика резко развернулась к Илье.

– Отвези меня отсюда.

Она сказала это быстро. Почти на выдохе. Будто иначе не решится.

Артем побледнел.

– Ты серьезно?

Но Вика уже не смотрела на него.

Илья тоже не сразу ответил. Он просто посмотрел ей в лицо – внимательно, будто проверяя, не говорит ли она это на одном только срыве.

– Да или нет? – спросила она.

– Да, – сказал он.

И только после этого перевел взгляд на Артема.

Это был короткий взгляд. Очень короткий. Но в нем было все: презрение, холод, предупреждение.

Артем шагнул вперед.

– Она никуда с тобой не поедет.

Илья даже бровью не повел.

– Это уже не тебе решать.

– Ты охренел?

– Давно. Особенно когда смотрю на тебя.

Вика не поняла, кто из них первый двинулся бы дальше. Артем уже был на взводе, Илья стоял слишком спокойно, а именно такая спокойная злость обычно опаснее любой истерики. Но в этот момент где-то сверху хлопнула дверь, послышались шаги соседки, и бытовой звук чужой жизни внезапно разорвал это почти физическое напряжение.

Трое взрослых людей на лестнице.

Среди ночи.

И один позор на всех.

Вика устало провела ладонью по лицу.

– Хватит, – сказала она тихо. – Просто хватит.

Она стала спускаться вниз сама. Не быстро. Но решительно. И впервые за все это время никто не схватил ее за руку.

Сзади слышались шаги.

Один ритм – Артема.

Другой – Ильи.

Она остановилась на первом этаже и повернулась.

– Ты, – сказала она, глядя на мужа, – не подходи ко мне больше сегодня.

Артем открыл рот, но она не дала ему сказать.

– Ни сегодня. Ни завтра. Мне не нужны твои объяснения до утра. Мне не нужны твои звонки ночью. И твоя тревога мне тоже не нужна. Где она была четыре месяца назад – там и оставь.

Он смотрел на нее так, будто не узнавал. Возможно, так и было. Потому что та Вика, которая ждала его со свечами, действительно осталась наверху – в квартире, где остывал ужин.

– Я позвоню тебе утром, – глухо сказал он.

– Нет. Не позвонишь. Я сама решу, когда и о чем с тобой говорить.

– Вик...

– Все.

Она отвернулась.

И вышла из подъезда.

Ночной воздух ударил по лицу влажным холодом. Двор был пустой, блестящий после дождя, фонари дрожали в лужах длинными желтыми дорожками. Где-то вдалеке проехала машина. Мир жил дальше. Спокойно, равнодушно, как будто у нее сейчас не оторвали кусок жизни с мясом.

Она обняла себя руками, не чувствуя пальцев.

Через секунду рядом оказался Илья. Молча снял с себя шарф и накинул ей на плечи поверх пальто. Движение было

простым, почти будничным. Но от этого почему-то перехватило горло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.